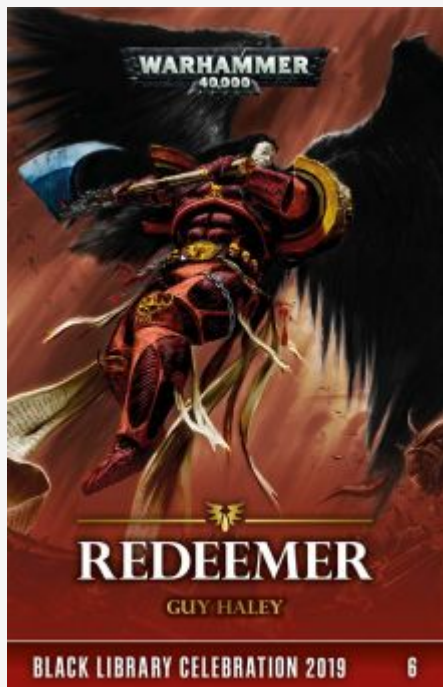

Искупитель / Redeemer (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Искупитель / Redeemer (рассказ)

Автор	Гай Хейли / Guy Haley
Переводчик	Alre_Snow
Издательство	Black Library
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Асторат слышал аккорды боли, что звучали лишь для него одного. Музыка, тревожащая сны безумных композиторов, преследовала его в часы бодрствования. Если эта музыка играла хоть где-то, где угодно — он неизменно различал ее. Чаще всего он слышал одинокую мелодию, исторгаемую одним измученным инструментом, но порой к этим солистам присоединялись другие, составляя квартеты и ансамбли, а в худшие из дней — собираясь в меланхолические оркестры. Тогда музыка пела настойчивей всего, призывая его сквозь пространство и время. Она всегда была диссонантной, трагической, полной боли и гнева: ноты, выбивающиеся из гармонии, когда не столь талантливые руки брались за труд маэстро. И всё же музыка напоминала о чем-то великом, и от несовершенства ее становилось еще больнее.

Усмирять эти излишества доводилось другим. Долг его братьев-капелланов состоял в том, чтобы заставить

эти напевы сочетаться, чтобы подобно дирижерам довести страдания до последнего крещендо. Когда братья в черном и белом цвета кости вели за собой воинов, музыка достигала вершины и замолкала, и в этом молчании Асторат Мрачный знал, что всё вернулось на круги своя.

Иногда же музыка не останавливалась. Иногда она поднималась к невыносимым вершинам, за пределы всякого искупления, и падала в чернейшие бездны отчаяния, где продолжалась, окрашивая всё вокруг болью.

Роль Астората, как Верховного Капеллана Кровавых Ангелов, была в том, чтобы обрывать этот болезненный диссонанс. Его почетным долгом было братоубийство. Его топор пробовал благородную кровь космодесантников так же часто, как и кровь врагов Империи. «Обрывающий Песни» — звали его эльдары, и пусть это подходило ему, но у него был более известный титул.

Для Орденов Крови он был Искупителем Потерянных, и его любили и ненавидели в равной мере за то, насколько он преуспел в исполнении своего долга.

Асторат спал, странствуя через световые годы. Куда бы он ни направлялся, его саркофаг сопровождал его, размещенный на почетном месте в сердце «Eminence Sanguis».

Лишь немногие из высших чинов Кровавых Ангелов обладали правом на персональные саркофаги. Асторат, разумеется, был среди них. Изнутри его саркофаг был украшен стилизованными барельефами, изображавшими лежащего в нем воина. Несмотря на искажения, возникающие из-за изогнутой формы крышки, в резьбе из полированного черного алмаза без труда можно было узнать самого Астората.

Саркофаг был установлен под углом в сорок пять градусов в центре кольца скульптур, демонстрирующих обязанности Верховного Капеллана. В покоях Астората царил холод. Иней покрывал барельефы. Алые лампы заливали комнату кровавым мерцанием, и черные тени скрывали углы. Эти цвета отражали внутренний мир Астората. Когда он спал, его сны наполнились черным и красным — и ничем больше, до тех пор, пока где-то не ломалась душа еще одного воина и музыка не начиналась вновь.

Каждая песня отличалась от других. Эту он слышал, как пассаж из визгливых, скрипящих нот, что поднимались и обрывались, и начинались опять — снова и снова, точно сыгранная неумелым музыкантом пьеса, финала которой никак не удавалось достичь. Она пронизывала кроваво-красное; она расходилась кругами по маслянисто-черному. Музыка звала его, ибо не могла призвать никого другого. Эта песня была мольбой о милосердии, которое лишь он мог подарить. Она пробудила его.

Очнувшись ото сна, Асторат открыл глаза в окрашенной кровью амниотической жидкости, питающей его тело. Машинный дух саркофага зафиксировал движение и начал процесс полного пробуждения. В нижней части саркофага открылись стоки, втягивающие амниотическую жидкость. Маска, закрывавшая рот Астората, отошла в сторону, уровень жидкости опустился ниже подбородка, и он свободно вздохнул в первый раз с тех пор, как погрузился в сон. Иглы интерфейса, соединявшие его с наблюдающими машинами, выскользнули из разъемов его черного панциря. Извилистые пуповины шлангов жадно присасывались к артериям на его руках, бедрах и шее, пока он спал. Теперь они пульсировали, возвращая его очищенную кровь, и отсоединялись от кожи с печальными поцелуями.

Свет, падавший на черный барельеф, изменился — от кроваво-алого до нежного красно-золотого, цвета закатных лучей Балора. В механизмах, скрытых внутри украшений саркофага, провернулись шестеренки, замки открылись, и тяжелый засов, выполненный в виде скрещенных рук скульптурной

фигуры, поднялся. Крышка скользнула вверх и в сторону.

Асторат сел. Бледная кожа и угольно-черные волосы блестели от стекавшей с них жидкости.

— Сержант Доломен, — произнес он. Его голос звучал тихо, но властно. Вокс-приемники, укрытые внутри убранства комнаты, немедленно открыли канал связи с командной палубой.

— Мой господин, — ответил Доломен.

— Один из наших братьев потерян. Подготовь нашего навигатора к получению новых координат. Нас ждет работа.

«Eminence Sanguis» не значился ни в одном судовом реестре Кровавых Ангелов. От него не ждали, что он будет принимать участие в битвах ордена, и он редко оказывался там. Этот корабль был заказан, построен и введен в строй исключительно как личный транспорт Верховного Капеллана, и многие носители этого звания пересекали на нем галактику.

Сумрачные коридоры соединяли темные, похожие на склепы залы. Каждое существо на корабле, будь то немодифицированный человек, техножрец или Ангел Смерти, понимали серьезность их миссии и держались со всем возможным достоинством. На «Eminence Sanguis» царило почти полное молчание, и укутанные в мантии фигуры поодиночке проходили по его коридорам, спеша по своим делам. Машинный дух корабля был столь же холоден, как и пустота снаружи его пласталевой обшивки, и столь же отрешен, как и звезды, среди которых он плыл.

Это был быстрый корабль — проворный даже в космосе, но еще быстрее в варпе. Хотя масса его была невелика, в царстве имматериума идеи и концепции имели куда больше значения, чем физические истины, и корабль полнился тяжестью долга. Столь монолитной была его цель, что он с легкостью прорезал противоборствующие течения идей, бурлящие в предательском пространстве варпа. Даже безумие Хаоса не могло противостоять тяжести работы Астората. Влекомый важностью своей миссии и верой тех, кто находился на его борту, корабль проходил через худшие из штормов и мог достигать впечатляющей скорости, какие бы эфирные бури ни раздирали Море Душ.

Среди кошмаров варпа «Eminence Sanguis» отклонился от своей предыдущей цели, поворачиваясь к источнику песни.

Доспехи Астората вселяли ужас в смертных, пришедших встретить его. Людей было всего трое; они стояли на краю посадочной платформы, когда он вышел из катера в сырость леса, и они были напуганы, ибо смерть стояла за его плечом. Керамитовые пластины его брони были исполнены в точном подобии открытых мышц, с которых содрана кожа, и окрашены соответственно. В сложной конструкции его прыжкового ранца форма была продиктована скорее соображениями искусства, чем функциональностью, и съжившимся от страха мужчинам и одной женщине казалось, что он был одарен крыльями. Эти крылья не шевелились, выкованные из черного, как вороново крыло, металла — в цвет его волос, — но всё же для смертных они выглядели настоящими. Его наплечник был сплошь усеян черепами. Те же черепа украшали наколенники. Топор в его руках был равен длиной его росту и тяжелее, чем самый высокий из смертных, а рукоять была искусно сработанным подобием позвоночника. Всё его оружие и облачение говорили об одном: о конце жизни.

Планета Аскве лишь подчеркивала его смертоносный облик. «Грозовой ворон» Кровавых Ангелов приземлился на заржавевшую посадочную платформу, наполовину захваченную уже лесной порослью. Колонны опор скрылись под морщинистой серой древесиной. Скользкие лианы опутывали перила ограждения и погребали машины под влажной массой податливой растительной плоти. Корабль Кровавых Ангелов был окрашен в черное и расписан красными косыми крестами и ощерившимися черепами. На древней платформе он напоминал украшение заросшего склепа, проглядывающее сквозь руины кладбища.

Плесень покрывала все доступные поверхности, карабкаясь по изогнутым корням, поднимающим над землей деревья-грибы. Облака их спор проплывали мимо обрывками тумана. Трое смертных носили тяжелые респираторы, чтобы уберечься от спор, но Асторат не нуждался в подобной защите и стоял перед ними с непокрытой головой — крылатый гигант, облаченный в освежеванную плоть. В лесном сумраке его бледная кожа казалась голубоватой. По обе стороны от него стояли сержант Доломен и Сангвинарный жрец Артемос, единственные его спутники из ордена. Вместе они представляли собой триумвират: кость, кровь и смерть — то, что составляло душу Кровавых Ангелов. Они были воплощением самого рока.

Асторат не выглядел человеком и не был им. Смертные боялись его по праву.

— Где наши братья? — спросил их Асторат, разомкнув бескровные губы.

Несмотря на защитные средства, глаза смертных покраснели от влияния спор. Их лидер — женщина — заговорила хриплым от некачественного воздуха голосом. Она была немолода, но обладала той жилистой силой, которую некоторые женщины сохраняют до конца жизни.

— Они там, господин, — сказала она, указывая дрогнувшей рукой себе за спину, где переплетения корней и стволов терялись в синеватом от спор воздухе.

Асторат взгляделся в лес. Где-то вдалеке играла музыка.

— Отведите меня туда, — сказал он. — Доломен, охраняй корабль.

Мужчины и женщина нервно переглянулись. Никто из них не хотел начинать путь. Казалось, одна мысль о том, чтобы указывать Асторату, даже если он сам попросил проводить его, наполняла их ужасом.

— Отведите меня немедленно, — повторил Асторат.

С облегчением приняв приказ, гражданские принялись спускаться по рокритовым ступеням — настолько скрывшимися под перегнившими листьями, колониями грибов и корнями, что лестница выглядела всего лишь протоптанной животными тропой.

— Ты, женщина. Расскажи мне, что здесь случилось. — Тяжелые шаги Астората ударяли по мягкой земле, точно угасающие удары сердца.

— Ваш брат отведал праздничного мяса... — начала женщина.

— С самого начала. Расскажи мне об этом месте. Расскажи мне, что случилось с вами до того, как пришли мои братья. Это поможет мне понять, что произошло с ними.

Так она и сделала. Женщину, как она сказала, звали Зрана. Асторат занес это имя в свою память рядом с миллионом других имен, которые не забывал никогда.

— Этот мир был не таким уж плохим, — начала Зрана. — Я читала о других. Я знаю, что есть места куда как хуже, чем Аскве.

Им пришлось пригнуться, проходя под переплетенными лианами, неровная поверхность которых липла ко всему. Асторат и Артемос с трудом пробивали себе дорогу — лианы не рвались, только растягивались, а в открытых местах, где проходили люди, для них было слишком мало места. Когда Асторат наконец вырвался из лиан, женщина оглянулась — проверить, не сказала ли она чего-то неуместного. Ответный взгляд Астората заставил ее отвернуться вдвое быстрее.

— Прежде чем пришли безмолвные, мы жили под светом солнца, там, наверху, — она указала вверх, где прямые как стрела стволы поднимались из колыбели корней, но не стала смотреть туда — из страха или печали, вызванных тем, что произошло. — Там наши дома. Там — наш мир, не в этом месте. Там наверху нет никакой плесени. Чистый воздух. Теплый климат. У нас была хорошая жизнь.

— Для чего существует этот мир?

— Производство и экспорт химических веществ, получаемых из гигантских грибов, — сказала она. — От их древесины нет никакого прока. Она гнилая изнутри и быстро портится. Из нее нельзя строить, но зато можно перерабатывать ее и получать полезные жидкости. У нас были обязанности перед Империем, и мы исполняли их. — Она снова решилась оглянуться. — Всё, чего мы желаем — чтобы мы могли делать это снова, жить под солнцем и отдавать свой долг Богу-Императору. Мы тяжело трудились. Мы честно молились. Мне так жаль, что здесь случилось... всё это. Пожалуйста, дайте знать Императору, что мы сожалеем о том, что сделали — что бы это ни было, — что прогневало Его и навлекло на нас эти беды. Мне так жаль, что Красные Ангелы пришли помочь, и произошло такое. Я...

— То, что случилось здесь — не твоя вина, — прямо ответил Асторат. — Вы не совершили ничего дурного. Будь это так, я бы убил тебя, но тебе не нужно бояться моей кары. Если только в твоей истории нет чего-то, что заслуживает более сурового суда.

Она покачала головой.

— Нет, мой господин, ничего. Мы ничего не сделали. Мы — жертвы. Я так думаю. Может быть, мясо... Может быть, мы отравили его?

— Всё человечество — жертвы в эти темные времена. Если ты говоришь правду, тебе нечего бояться. Вы не отравили его. Продолжай свой рассказ.

— Появился разлом, и небо потеряло свой цвет. Безмолвные пришли вскоре после этого. Сперва они появлялись в кошмарах — бледные, обнаженные существа, размером с ребенка, с большими животами, длинными руками, ужасно искаженными пропорциями... но хуже всего были их лица. Пустые — ни глаз, ни носа, только кривой рот, полный торчащих зубов. Мы все видели их во сне, они стояли в углах наших спален и смотрели на нас. — Она содрогнулась, вспоминая. — Вскоре мы поняли, что все мы видим во сне одно и то же, эти безмолвные, бледные безглазые лица. Достаточно было всего нескольких перепуганных детей. Слухи разошлись повсюду. Мы были напуганы.

Мы продолжали работать изо всех сил, насколько могли. Потом корабли, собирающие дань, перестали приходить. А за ними — и торговцы. Мы производим достаточно еды для себя, но зависим от поставок многих других вещей. Мы отправляли сообщения с помощью столичных астропатов, но не получили ответа. Они старались сильнее, пока один за другим не сошли с ума, и поэтому граф Маньер приказал прекратить попытки, чтобы сохранить последнего из них.

— Когда это было?

— Десятилетия назад. Тогда я была совсем юной, но достаточно взрослой, чтобы помнить, как всё было в те времена. Теперь не осталось говорящих с небом. Кое-что из того, о чем я говорю сейчас, рассказала мне моя мать.

— Ты говоришь о делах планетарного управления.

— Моя мать была советницей графа. Я из благородного рода, — хмыкнула она. — Хотя теперь-то никто в это не поверит.

— Продолжай.

— Сны становились хуже. А потом они перестали быть снами. Мы просыпались в ночи и обнаруживали, что безмолвные здесь и смотрят на нас. Они исчезали через некоторое время, но они были здесь. У нас были пикты и видео. — Она замолчала. — Потом, чуть погодя, они начали охотиться на нас.

Они шли вдоль дороги, разбитой корнями на бесполезные обломки.

— Мы убили нескольких из них — они были из плоти и крови, как казалось, и сперва мы воодушевились. Но они появлялись и исчезали, как хотели. Мы пытались ставить на них ловушки, но безуспешно. Мы просто не видели их. Они уничтожали нас по своему желанию. Мы боялись спать. Так много из нас умерло ужасными ночами, и нас выгнали из собственных домов — сюда, вниз. Они не спускались вниз слишком часто, может быть, из-за спор. Мы держались, но медленно умирали. Граф рискнул нашим последним астропатом и отправил сообщение — я была тогда еще девчонкой. Мы так долго ждали ответа, мы не думали, что хоть кто-то отзовется. Но потом прибыли ваши братья, и они были умны и отважны, и убили множество безмолвных. Казалось, что теперь всё будет хорошо. И какое-то время так и было. Они отвоевали наш город, и мы снова увидели солнце. Они загнали этих существ глубоко в леса. Мы начали отстраиваться заново.

Они добрались до лестницы, обвивавшейся вокруг дерева и заросшей его побегами, и начали подниматься по ступеням.

— А потом ваш брат отведал праздничного мяса, и всё «хорошо» вдруг закончилось, — она слабо улыбнулась. — Идемте, нам туда.

Когда Асторат и Артемос добрались до отвоеванного города, они обнаружили, что их братья ушли в патруль, и потому расположились в одной из комнат заброшенного жилого здания, ожидая их возвращения.

— Нам следует обдумать возможность того, что всю эту планету придется очистить, — сказал Артемос через приватный вокс-канал. — Ты слышал, что она сказала.

— Старые правила теперь не применяются так беспощадно, — ответил Асторат. — Вести о демонах распространились широко. Когда-то даже ты не знал бы о них, брат. Но как можно скрыть это знание сейчас, когда они открыто появляются по всей галактике?

— Меня тревожит не знание. — Артемос поднял потрепанную занавеску и выглянул в растрескавшееся окно. Перед зданием простиралось сплошное кружево ветвей, покачивавшихся в свете местной луны. — Возможно, всё это место осквернено. Ты ведь знаешь, как это бывает, когда они запускают пальцы в

разум людей.

— Если уничтожать каждый мир, познавший прикосновение демонов с тех пор, как открылся разлом, у нас не останется Империиума, — сказал Асторат. — Чистота помыслов — вот лучшая защита. Осквернен этот мир или нет, решать не нам. Это не очевидно, и у нас нет возможностей разобраться с этим, даже если это так. Наша миссия — позаботиться о нашем потерянном брате.

Артемос пожал плечами.

— Ты прав. Я говорил необдуманно. Здешние существа могут быть искаженными Хаосом хищниками, а не демонами. Или же неизвестным видом ксеносов. Что-нибудь из тех созданий, с которыми связываются эльдары, — он покачал головой и опустил занавеску. — Ксеносы или демоны — все они отвратительны. Галактика уже не та, что прежде. Старое зло выползает из теней.

— Изгони эти вопросы из своего разума, брат-жрец, — сказал Асторат. — Чем бы они ни были, это не наше дело. Милосердие для потерянных — вот наша единственная забота.

Спустя несколько часов ожидания Кровавые Ангелы, назначенные на Аскве, вернулись на сторожевой пост. Сюда отправили одно половинное отделение, и из него осталось трое, все — десантники-примарисы. Они не удивились, обнаружив в городе Астората.

— Я брат Фиделий, 11-е отделение, Третья боевая рота, исполняющий обязанности сержанта, — сказал воин, который вел их. — Это — Эдмун и Каспион. Вы — Верховный Капеллан.

— Это я, — подтвердил Асторат.

— Тогда я приветствую вас, господин, — Фиделий опустился на одно колено и склонил голову.

— Пусть благословение добродетелей и достоинств Ангела наполнит тебя и направит тебя в бою, брат мой. Встань же.

Фиделий поднялся на ноги.

— Кто тот, кого постигло несчастье? — спросил Асторат.

— Брат-сержант Эразм.

Асторат задержался перед тем, как задать следующий вопрос.

— А брат-сержант Эразм — такой, как вы, или такой, как я? — Тяжесть этого вопроса, казалось, искажает пространство вокруг них.

— Он не брат-примарис, мой господин, если вы это имеете в виду, — сказал Фиделий.

— Значит, вас отправили в смешанном составе?

— Согласно приказу нашего капитана, — Фиделий оглянулся на своих братьев. — Мы трое — из тех, кто был создан во время Великой Крови. Нам не хватает опыта. Эразм вызвался обучать нас.

— Вы сражались, будучи смертными, на стенах Аркс Ангеликум?

— Да, — кивнул Фиделий. — Нас, примарисов, было четверо, пока ксено-твари не убили брата Аэлия. Было решено, что нас вчетвером и Эразма достаточно для здешних задач, но эти твари хитры и умеют мстить за свою пролитую кровь. Эразм сказал... — он переглянулся со своими братьями. Асторат узнал

эти взгляды, ибо видел их множество раз — взгляды Кровавых Ангелов, впервые столкнувшихся с проявлениями Ярости. — Эразм сказал, что Аэлий совершил смертельную ошибку, и мы должны сделать выводы. Он сказал, что смерть Аэлия была справедливым разменом за тысячи вражеских смертей, и что мы отомстим за него. Мы искали молчаливых, когда вы прибыли. Они теперь держатся подальше от поселений. Мы очистили большую часть этого сектора. И мы доберемся до остальных.

— Могут ли они быть демонами? — спросил Артемос.

— Я мало знаю о демонах, но я так не думаю, — сказал Фиделий. — Их достаточно легко убить, хотя они и скрытны. Они психически сильны, они затуманивают разум, их никогда нет там, где они кажутся, но они — из плоти и крови. Их не так уж много. Они опасны для немодифицированных людей, но для нас почти не представляют угрозы. Могу представить, как легко им было наводить ужас на столь малонаселенную планету, но мы бы уже очистили этот континент и выдвигались бы в другое полушарие, если бы не... — он снова запнулся. Тревога отражалась в его глазах. — Если бы не это.

— Что случилось с геносеменем Аэлия? — спросил Артемос.

— Утрачено. Мы пытались спасти его, но не смогли. Среди нас нет жреца. Я прошу прощения. Возможно, его можно было бы вернуть, но у меня нет нужных умений, — Фиделий снова обернулся к Асторату. — Если вы ответили на наше сообщение, значит, случилось худшее. А я ведь не верил, что это возможно. Эразм был таким благородным.

— Ты думал, это что-то другое?

— Я не разбираюсь в этом, и, может быть, надежда обманывала меня, — но я надеялся. Теперь, если вы здесь, это не может быть ничто другое. Это Черная Ярость.

— Именно так, — подтвердил Асторат.

— Я только удивлен, что вы прибыли так быстро. Я отослал сообщение всего несколько дней назад.

— Я не получал вашего призыва, — сказал Асторат. — Мне не нужны сообщения. Музыка страданий позвала меня, и я пришел.

— Это случилось здесь, — сказал брат Каспион. Они вошли в дом, построенный вокруг верхней части ствола одного их похожих на стрелы деревьев. Ствол из пористой древесины, на этой высоте бывший не толще среднего человека, образовывал центральную колонну, к которой крепилось всё остальное. Вокруг валялась разбитая посуда, и смазанное пятно крови темнело на стене. — Брат-сержант Эразм вел себя странно весь день, но мы не знали, что мы видим. Иначе мы бы сделали что-нибудь.

— Успокойся, юный брат. Это не твоя вина, — сказал Асторат.

Каспион с благодарностью кивнул.

— Они устроили пир в нашу честь, когда Эразма накрыло. Он съел мясо, а потом что-то случилось, и мы не успели даже отреагировать, как он убил двоих смертных, крича при этом о предателях и о том, что он в ловушке. Мы пытались удержать его, но он оказался слишком силен — он вырвался и сбежал. Местные жители не возвращались сюда с тех пор.

— В остальных отношениях с населением, похоже, в порядке, — заметил Асторат.

— Фиделий убедил их, что Эразм попал под влияние здешних тварей. Они были потрясены тем, что на космодесантника можно так подействовать, но всё же поверили, — сказал Эдмун.

— Мне не слишком-то нравится лгать, — сказал Фиделий. — Простите меня.

— Меньшее зло. Пусть они продолжают в это верить, — ответил Асторат. — Лучше будет, если именно эту историю они будут рассказывать, когда мы уйдем.

— Лучше пусть они боятся ксеносов, чем своих защитников, братья, — добавил Артемос.

— И еще лучше, если двойное проклятье нашей генетической линии останется тайной, — завершил Асторат.

— Местные боялись, что из-за этого их мяса мы оскорбились, и это каким-то образом спровоцировало его поведение, — сказал Эдмун. — Это так и бывает? — неуверенно спросил он.

Асторат внимательно посмотрел на десантников-примарисов. Хотя пока что новая порода космодесантников казалась не подверженной изъяну, их по-прежнему учили ритуалам и говорили о тяжести проклятия. Без особого эффекта, похоже. Слишком многие были приняты в орден слишком быстро, и у них не было времени учиться как следует.

— Та женщина, Зрана, упоминала некое праздничное мясо. Было ли в нем что-то необычное?

— Нам говорили, что это деликатес. Они были очень рады. Дичь для этого мяса нужно добывать на охоте, а они не могли охотиться с тех самых пор, как появились твари. Оно было кровавым и жестким, но хорошо на вкус, — сказал Фиделий. — Могло ли это быть причиной?

— Крайне маловероятно, — покачал головой Асторат. Он пересек комнату и остановился у кровавого пятна. — Чья это кровь?

— Брата Эразма, — пристыженно признался Каспион. — Я ранил его.

Асторат отщипнул от стены кусочек пористой древесины. Он медленно прожевал его, позволяя обрывкам памяти освободиться из свернувшейся крови. Здесь было совсем немного генетического материала, и потому мало что можно было узнать. За тяжеловесными мыслями деревьев Асторат уловил ощущения потрясения и страха, а затем мучительная мелодия души Эразма зазвучала во всю мощь и заглушила всё другое, и он выплюнул изжеванное дерево.

— Ярость приходит незваной. Вы все пробовали это мясо?

Фиделий кивнул.

— Значит, причина не в этом. Вы не испытываете никакого влияния? Ваша жажда не увеличилась?

— Нет, господин. На нас это не действует так, — сказал Фиделий, почти что извиняясь.

Асторат оглядел комнату.

— А затем Эразм выскочил через дверь? После того, как вы ранили его?

— Да, господин, — подтвердил Фиделий. — Затем Эразм спрыгнул на землю, в лес.

— Сто тридцать футов, — неверяще добавил Эдмун.

— Он был в броне, — сказал Фиделий. — Никакого оружия, кроме ножа. И он исчез. Мы тщательно прочесали местность, один квадрат за другим. Эдмун — отличный следопыт.

— Я потерял его, — признался Эдмун. — Мы прошли по его следу до границ соседнего поселения, и там след оборвался. Враги попытались напасть на нас там, и мы были вынуждены драться. Когда битва закончилась, я не смог снова найти его след.

Асторат кивнул, всё еще изучая комнату.

— Здесь я закончил. Скажите людям этого селения, что им нечего бояться. Вскоре вы сможете завершить свою миссию, к вящей славе Императора. В первую очередь вы должны указать мне, где находится наибольшая концентрация врагов.

— Но почему? — удивился Фиделий. — Они расположились к северу, а брат-сержант Эразм бежал на юг.

— Он будет там, где будут враги, — сказал Асторат. — Мы — воины. Мы страдаем от воинского проклятия. Пусть они могут причинять вред своим же союзникам, попавшие под влияние Черной Ярости по-прежнему служат Императору. Они сражаются за Него до конца, как бы они ни ошибались.

Асторат готовился к принесению милосердия. Он снял верхнюю часть своей брони и сидел, скрестив ноги, в одном из жилищ, еще не возвращенных населением планеты. Артемос протянул ему обнаженную руку; Асторат сделал на ней надрез и освятил свою кожу кровью Сангвинарного жреца. Он дважды отпил из запястья Артермоса, чтобы заглушить Красную Жажду и чтобы с помощью крови Сангвиния, текущей по венам жреца, вспомнить о жертве их примарха. Музыка проклятия пела в разуме Астората, когда кровь наполнила его рот.

— Ты не можешь пойти один, — сказал Артемос. Он вытер руку и снова надел керамит. Ритуал проходил по-деловому. В подобных обстоятельствах укреплять броню души следовало с той же привычной в бою эффективной практичностью, как и перезаряжать болтер. — Поселение к северу переполнено врагами. Мы все должны отправиться туда.

— Я сражался с некоторыми из прославленнейших героев Крови, брат. Эти создания слабы. Они даже не замедлят меня, а когда я найду Эразма — я одолею его.

Начерченные кровью символы высыхали на коже Астората. Он убрал клинок в ножны и принялся собирать фрагменты доспеха.

— Позволь мне пойти с тобой.

— Это только мой долг, брат.

Артемос помог ему надеть броню на спину и грудь, придерживая пластины, пока Асторат закреплял их освященной электро-отверткой.

— Тогда возьми с собой хотя бы братьев-примарисов из отделения Эразма, в качестве предосторожности от неудачи. Мы не можем позволить себе потерять тебя, мы и без того уже потеряли слишком многое.

Асторат, обернувшись через плечо, взглянул в глаза Артемосу:

— Ты и вправду полагаешь, будто простой сержант может победить меня?

— Нет, мой господин.

Он вернулся к доспехам.

— Не будет никакой неудачи. Десантники-примарисы останутся здесь. Однажды они неизбежно увидят Черную Ярость своими глазами, ибо всем мы проходим через это, будь мы очевидцами или жертвами. Но я бы предпочел, чтобы этот день настал для них не сегодня. Примарисы принесли надежду нашему ордену. Лучше, если как можно меньше из них увидят проклятье, что поражает остальных из нас. Орденам Крови довелось многое вынести за последние столетия. Позволь нам мгновение возрождения, прежде чем мы снова встанем лицом к лицу с чудовищами внутри самих себя.

— Правда рано или поздно откроется.

— Правда открывается всегда. Но всё же пройдет еще много лет, прежде чем эти примарисы вернутся на Ваал. Они хорошо потрудились здесь, но им еще следует освободить весь этот мир. Они могут погибнуть прежде, чем успеют передать информацию другим своим родичам.

— Ты уверен, что мне не нужно сопровождать тебя?

Асторат легко провел пальцем по лезвию Топора Палача. Капли крови выступили на коже.

— Я иду один, Артемос. — Он надвинул перчатку на еще кровоточащую руку и закрепил ее на месте. — Не спрашивай больше.

В лесу Аскве было тихо. Здесь настолько доминировали грибы и плесень, что животная жизнь встречалась редко. Асторат шагал по дороге высоко над землей, покрытой плотным ковром поросли. Те немногие виды животных, что процветали здесь, состояли в симбиозе с грибами, и человечество с его умением приспособливаться последовало их примеру. Опоры, поддерживающие дорогу, выросли прямо из ближайших к ней грибных деревьев, но эта система требовала присмотра; за годы, прошедшие с появления разлома, небесные дороги просели и искривились, и признаки людского жилья исчезали повсюду.

Как немного потребовалось, чтобы без следа стереть все усилия человечества. Обязанности Астората, сколь угодно тайные, в конце концов были частью этого противостояния — битвы за то, чтобы не позволить человечеству исчезнуть из истории, как исчезли сотни видов до него.

Тонкие башни города поднимались над покровом листвы. Стоило ему пересечь тень первой из башен, как он встретил врагов.

Бледное раздутое тело отделилось от теней и прыгнуло на него. В голове Астората зашумело от психической интерференции. Сперва он не мог четко разглядеть нападающего, но разум космодесантников был улучшен в той же огромной мере, что и их перестроенные тела. Он стяхнул влияние существа и теперь рассмотрел его облик.

Оно было отдаленно гуманоидных очертаний, бледное, точно подземные грибы, распухшее и отвратительное, как большинство ксеносов. Изогнутые когти, растущие из его запястий, со скрипом соскользнули с брони. Оно защелкало зубастым ртом — настолько мерзкое, как и описывала Зрана.

— Неожиданность — твое главное оружие, тварь, — сказал Асторат. Он схватил существо за горло и поднял над землей. Оно оказалось на удивление сильным и могло бы с легкостью убить обычного

смертного. — Но кроме этого, ты мало что умеешь, и никак не можешь повредить мне.

В его хватке тварь была беспомощна. Она трепыхалась и шипела, пока не испустила дух.

Он отбросил обмякшее тело. Оно осело на землю, точно лишенное костей, и выдохнуло облака желтых спор.

Асторат двинулся дальше, следуя за аккордами мрачной мелодии, слышной ему одному.

— Брат Эразм! — выкрикнул он. Усиленный воксом голос разносился по безмолвным улицам, вспугивая редких птицеподобных существ и заставляя паразитические растения сбрасывать семена. — Брат-сержант Эразм! Вернись к нам! Вернись к своему ордену! Вернись к милости Императора!

Его крики привлекли еще тварей. В массе они затуманивали его разум эффективнее, но он наносил удары по размытым силуэтам и все равно разрубал их на части. Они попытались погрести его под весом своих тел и даже сумели это сделать, но не могли пробиться сквозь его броню. Мягкие пальцы цеплялись за сочленения. Острые когти скребли по керамиту. Дарованные Императором доспехи не дрогнули под их усилиями, и твари умирали десятками.

— Вы ничему не учитесь, — заметил Асторат, уничтожая их. — Вы не можете навредить мне.

Он выверял удары, сберегая силы, снося стук мягких кулаков тварей по своей броне и разрубая их с размеренной методичностью лесоруба.

Продолжая убивать всю дорогу, Асторат прошел во внутренние районы города, где просторные площади вздыбились от несдерживаемого роста живых опор. Башни были захвачены упругими лозами, целые охапки их свешивались из каждого окна. Чем дальше он шел, тем больше появлялось тварей, и все они нападали, не задумываясь о своей беспомощности. Под его сапогами хрустели человеческие кости, размягчившиеся от гнили. Тысячи умерли здесь, и это печалило его.

Наконец на дисплее шлема вспыхнула руна-индикатор. Сигнал оповестил его, что его истинная добыча уже рядом. Асторат активировал прыжковый ранец и вырвался из массы тварей.

Развернулись черные крылья, продлевая его короткий полет. Он направился к широкой платформе, нависшей над следующей площадью, и там он нашел брата Эразма.

Падший сержант кричал в ярости, обрушивая проклятия на врагов, мертвых уже десять тысяч лет. Кроваво-красный цвет его брони почти скрылся под мутно-молочной ксеносской кровью и яркими пятнами желтых спор. Клинок его ножа обломился наполовину, но он орудовал им так, словно это был наилучший меч. Около сотни тварей окружало его. Асторат на мгновение задумался, сколько же Эразм уже сражается. Нередко случалось, что охваченный Яростью брат дрался, пока не разрывались его сердца — настолько сильным было проклятье, что даже тело космодесантника не могло справиться с ним; но если брат-сержант Эразм и не переставал сражаться с того дня, как пал, он не показывал никаких признаков усталости и по-прежнему убивал с непревзойденной эффективностью.

Асторат наблюдал за ним некоторое время. Пусть Черная Ярость и была ужасным проклятием, но пораженные ею являли в бою отзвук воинской славы примарха, и это зрелище неизменно трогало его. Музыка страданий Эразма всё громче звучала в его разуме.

— В ужасе своем и славе своей, — проговорил Асторат, а затем окликнул громче: — Брат! Я иду к тебе. Не сдавайся! Скоро твои страдания окончатся.

Он запустил турбины и обрушился вниз, в битву.

Они сражались спина к спине, очищая город от охватившей его заразы. Топор Астората рассекал ксеносов, оставляя за собой следы молний, и вскоре бой был окончен.

Верховный Капеллан обернулся к потерянному брату.

— Отец! — воскликнул Эразм голосом, полным душевной боли. — Ты пришел? Мертв ли Хорус?

— Он давно уже мертв, — спокойно ответил Асторат. Он держал топор перед грудью, обеими руками. — Иди ко мне и познай конец страданиям.

— Если он мертв, почему я вижу его, стоящего надо мной? Почему кровь моя покидает мое тело? Отец мой, отчего ты оставил меня?

Потерянный брат бросился на Астората, и началась настоящая битва этого дня.

Эразм был одержим предсмертной памятью Сангвиния и полон ярости отчаяния. Асторат считал, что Эразм слишком силен, чтобы сходить с ним вплотную, и потому не спешил, негромко распевая гимны завершения, пока отсекал один за другим фрагменты брони воина и лишал его силы, заставляя медленно истекать кровью от осторожных порезов. Были и более быстрые способы покончить с одним из потерянных, но Асторат применял их лишь в случае крайней необходимости; воин должен был получить утешение и благословение. Последние ритуалы смерти были столь же важны, как и ритуалы вознесения, и их следовало соблюдать.

Асторат сражался ради того, чтобы сохранить тайны своего ордена. Он сражался, чтобы остановить безумное буйство тех, кто не мог найти достойный конец в бою, но в первую очередь он сражался, чтобы спасти их души. Сострадание направляло его топор прежде всего остального.

— Ты — предатель, изменник, червь пред ликом отца, — выкрикнул Эразм. — Ты предаешься злу ради собственной выгоды, пока Империя пылает! Почему? Почему? Почему? — Эразм обрушил на Астората вихрь ударов. Верховный Капеллан отступил назад, понимая, что даже сломанный клинок, вонзенный с такой силой, может пробить его броню.

— Я не Хорус, брат, — тихо сказал он. — Я — твоё искупление.

Он шагнул назад и в сторону, размахнувшись топором, и отсек ногу Эразма до колена.

Космодесантник упал лицом вперед и жалобно, печально взвыл. Он попытался подняться.

— Я умираю! Умираю! Убит рукой собственного брата!

Асторат подошел ближе, пинком выбив нож из руки космодесантника, и следующим ударом разбил реактор его брони, искусно отключив ее и не вызвав взрыва. Теперь Эразм лишился немалой части своей силы.

— Почему? — всхлипнул Эразм. — Почему всё должно кончиться именно так?

Асторат присел рядом с ним, перевернул Эразма на спину и стянул с него шлем. Лицо воина покраснело от прилива крови, глаза были полны лопнувших сосудов. Его клыки обнажились на всю длину. Но всё же в нем оставалось благородство. Так всегда бывало с потерянными.

Асторат опустил ладонь на лоб воина.

— Мир, брат. Пребывай в мире. Я — не Хорус. Я — не Император. Я — Верховный Капеллан, а ты — брат-сержант Эразм. Войны, о которых ты говоришь, минули десять тысяч лет назад. И теперь твоя битва тоже окончена.

Взгляд Эразма немного прояснился.

— Что... что случилось со мной?

— Черная Ярость. Смерть нашего отца, отдающаяся эхом из глубин времени. — Асторат пристально, серьезно посмотрел на него. — А теперь слушай меня. Мы — космодесантники, и мы не молимся. Мы не считаем никого богом, и всех богов — чудовищами. Мы не восхваляем никого, кроме смертных героев, и мы благодарим Императора как человека, не как божественную сущность. Но сейчас мы помолимся, ты и я, о покое в смерти.

Асторат произнес священные слова. Сквозь туман ярости Эразм повторил их, и еще немного ясности вернулось его разуму.

— Боль нашего отца... — выговорил Эразм. Слезы катились по его щекам. — Я чувствую то, что чувствовал Ангел. Я не могу вынести этого. Он скорбит обо мне, обо всех нас. Закончи это быстрее, прошу!

— Не бойся, брат мой. Милосердие — моя задача.

Асторат поднялся. Топор Палача опустился.

Музыка оборвалась, и новый груз прибавился к ноше Верховного Капеллана.

Он подобрал голову Эразма и вызвал Артемоса.

Артемос занялся своей кровавой работой, вернувшись в поселение. Десантники-примарисы охраняли дверь строения. Люди держались поодаль. Они знали, что внутри происходит нечто священное. Пила редуктора разрежала кость, и ребра влажно хрустели, позволяя извлечь драгоценное геносемя.

— Не бойтесь, братья, — сказал им Асторат. — Ваш брат умер, как должны умирать все Кровавые Ангелы — в единении с Великим Ангелом Сангвинием.

— Верховный Капеллан, — обратился к нему Фиделий. — Могу я получить разрешение просить о твоём наставлении?

— Можешь.

— Случится ли такое с нами?

Асторат обдумал свой ответ:

— Ваш создатель, Белизарий Коул, обладает многими достоинствами, но он склонен к хвастовству и облачен в гордыню, словно в мантию. Невозможно исключить страдания Сангвиния из наших душ. Но, может статься, вы окажетесь неуязвимы для его влияния.

— Но тогда, если мы никогда не увидим то, что видел Ангел, можем ли мы по-настоящему называть себя Кровавыми Ангелами? — спросил Эдмун.

— Вы — примарисы, но вы — прежде всего Кровавые Ангелы. Кровь Сангвиния течет в ваших жилах так же, как и в моих. Возможно, вы никогда не изведаете тех же страданий, что Эразм, но будьте уверены: вы — мои братья, — сказал Асторат.

Он заглянул в глаза каждому из них, и в это мгновение он услышал несколько далеких нот боли — предчувствие того, что, возможно, еще произойдет.

Артемос вышел к ним.

— Всё сделано. Геносемя Эразма сохранено. Мы вернем его броню в орден.

— Тогда наши дела здесь окончены, — сказал Асторат. Он посмотрел на небо и активировал вокс. — Сержант Доломен, мы возвращаемся. Приготовь «Грозового ворона» к взлету. И сообщи на «Eminence Sanguis» — мы отправляемся немедленно. Долг ждет нас.

Где-то, в бесконечности космоса, начинала играть новая мелодия.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Искупитель / _Redeemer_\(рассказ\)&oldid=7645](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Искупитель / _Redeemer_(рассказ)&oldid=7645)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 ноября 2019 в 08:23.